

Иван Горбунов

Очерки о старой Москве

Иван Горбунов

Очерки о старой Москве

«Public Domain»

1881

Горбунов И. Ф.

Очерки о старой Москве / И. Ф. Горбунов — «Public Domain»,
1881

«Давно уж это было, в тридцатом году, в первую холеру. Тихо жили тогда в Москве. Вставали на восходе, ложились на закате. Движение было только в городе, да на больших улицах, и то не на всех, а в захолустьях, особенно в будни, целый день ни пешего, ни проезжего. Ворота заперты, окна закрыты, занавески спущены. Что-то таинственное представляло из себя захолустье...»

Содержание

Из московского захолустья	5
I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Иван Федорович Горбунов

Очерки о старой Москве

Из московского захолустья

I

Давно уж это было, в тридцатом году, в первую холеру. Тихо жили тогда в Москве. Вставали на восходе, ложились на закате. Движение было только в городе, да на больших улицах, и то не на всех, а в захолустьях, особенно в будни, целый день ни пешего, ни проезжего. Ворота заперты, окна закрыты, занавески спущены. Что-то таинственное представляло из себя захолустье. Огромная улица охранялась одним будочником. Днем он сидел на пороге своей будки, тер табак, а ночью постукивал в чугунную доску и по временам кричал во всю глотку на всю улицу: «По-сма-три-вай!..» Хотя некому было посматривать и не на что: пусто и темно, только купеческие псы заливались, раздражаемые его криком. Полагалось четыре фонаря на всю улицу, и те освещали только собственный свой столб, на котором были утверждены.

– Если ты так кричать будешь, я к квартальному пойду... Всю ночь спать не даешь! – замечал купец будочнику.

– Приказано, – отвечал будочник, – чтобы как можно кричать. Мало ли тут непутевого народу?

– В нашей-то стороне?!

– Бывает. Намедни тут днем у калачника тесто украли.

– Поймали?

– Где поймать – ушел!

– Что ж ты криком-то испугаешь его, что ли?

– Все-таки опаска ему есть...

– Какая же ему опаска: ты кричишь «посматривай», а в переулке кричат «караул».

– Это не у нас: в тупичке извозчика грабили. Два часа голый у меня в будке сидел.

Был в захолустье дом, очень красивый, старинной архитектуры, с колоннами; он стоял пустой, заколоченный. Ходила молва, что в нем обитает нечистая сила. Один купец видел ее собственными глазами. Этому верили все – и Немецкая слобода, и Замоскворечье, и Сыромятники.

Горело захолустье очень часто. Эпохи его считались от пожаров.

– Это еще до большого пожара было.

Или:

– Это еще, когда Балкан не горел.

Ни врачей, ни аптек в то время ни в захолустье, ни близко в окружности не полагалось, да и незачем было. «Все под богом», – говорили обыватели. В самых крайних случаях, и то к очень богатым людям, приглашался штаб-лекарь Воскресенский. Болящие прибегали или к своим средствам – череде, бузине, бобковой мази, разным ладанкам с наговором, или обращались к капитанше Мирзоевой – от золотухи и от ушибов лечила; к сапожнику Разумову – от лихорадки пользовал и от килы знал лекарство; к банщику Ильичу – кожные сыпи понимал; к цирюльнику Ефиму Филиппову – отворял кровь «заграничным инструментом» и помогал от запоя, «пьяного червяка» замаривал. На вывеске у него значилось:

«С дозволения правительства медицинской конторы, заседания 2-д врачей, в сем зале отворяют кровь заграничным инструментом пиявочную, баночную и жильную, прическа

невест, бандо, стрижка волос, завивка и бритье и прочие принадлежности мужского туалета, по желанию на дом, по соглашению. Экзаменованный фельдшерный мастер Ефим Филиппов и дергает зубы».

Жила в захолустье в собственном доме привилегированная повивальная бабка Юлия Янсон, но к помощи ее никто не обращался, и вывеска у ней болталась для собственного удовольствия.

За воротами дома так же тихо и однообразно, как на улице. Чисто выметенный двор, до того огромный, что на нем можно выстроить свободно эскадрон кавалерии. Большой сад, в нем рдеют пионы, прозябает калуфер¹, божье дерево, цветут бархатцы, шапочки, анютины глазки; десятка два яблонь белого налива, несколько кустов крыжовника и смородины. В доме необыкновенная чистота, то есть в тех комнатах, где не живут хозяева, а принимают гостей. Мебель тяжелая, красного дерева: в углу, в больших раззолоченных киотах божье милосердие; на стене часы с боем; на окошке канарейка в клетке. Вот и все украшение комнаты. Тишина... Установленный издревле порядок никогда не нарушался. Как в прошлом году на святках ставили мелом на дверях кресты, так и в этом году будут ставить; как в прошлом году 9 марта пекли из теста жаворонков, так и в этом будут печь их.

Я сказал, что в редких случаях в захолустье появлялся доктор. Эти случаи бывали обыкновенно после масленицы. Въезжала широкая масленица в купеческий дом

С пирогами, с оладьями,
С блинами, с орехами.

За неделю до ее прихода в семье устанавливался порядок встречи ее и проводов. С которого дня приступить к блинам – вопрос был важный; решался он на семейном совете и утверждался самим хозяином.

- Ну, с понедельника, так с понедельника, пушай так, – говорил он.
- А оладьи с четверга, – предлагала хозяйка.
- А то кухаркам не управиться, – замечала бабушка.
- Ну, с четверга, – соглашался хозяин.
- А лещи каждый день пойдут.
- Само собой, что их жалеть-то...

В понедельник, рано утром, по всему дому распространяется блинный запах. Коты замурлыкали, даже в щелях тараканы зашевелились. Шарик давно уж сидит на кухне, облизывается и поглядывает на кухарок.

– Блинов, старый черт, дожидаясь! – говорит ему дворник.

Шарик ласково бросается к нему на шею.

– Только я посмотрю, как ты опосля лаять будешь, Я то опять я тебя на постную пищу. Лица у кухарок от жара кажутся обтянутыми красным сафьяном.

Стол накрыт. Выходят хозяева; ведут под руки разбитого параличом дедушку, который только три раза в год появляется в обществе, а остальное время комнаты своей не покидает; входит дальняя родственница Дарья Гавриловна, в молодости имевшая роман с секретарем магистрата, который пропил все ее состояние и «на всю жизнь оставил только одну меланхолию». «Бедная я женщина, – говорит она, – но во мне столько благородства, хотя и купеческого, что я никому не позволю». За ней следует еще родственница Марфа Степановна; постоянное выражение ее лица такое, точно она просит милостыню; шествие замыкают купеческий племянник Кирюша, с отдутловатой физиономией, мужчина лет пятидесяти; наконец, Анна Гера-

---

¹ Калуфер (литературное кануфер) – многолетняя сильно пахнущая трава, употребляющаяся как пряность.

симвона, пожилая, бойкая купеческая вдова, имеющая в захолустье дом с большим старинным садом. Сад этот она весь изрыла и ископала, отыскивая клад, зарытый кем-то в 1812 году.

Свернув блин в трубку и обмакивая его в сметану – «в радости дождавшись», говорит хозяин.

Лица всех просияли. Дедушка хотел было выразить удовольствие улыбкой, но мускулы лица его не действовали, и он только пошевелил левой рукой.

Марфа Степановна, взявши первый блин, прослезилась и глубоко вздохнула.

Сын Семушка взвизгнул.

Дедушка левой рукой подбрасывал блин и хватал его на лету, наподобие собаки, ловящей муху.

Полное молчание.

Семушка сбился со счета.

– Манька, я забыл, сколько съел.

– Грех, батюшка, считать-то, – заметила ему бабушка, – кушай так, во славу божью.

Глаза начинают суживаться; лица у всех сделались влажными, утомленными. К последней партии блинов с семгой никто не касается.

– Дай бог доброго здоровья, – начал Кирюша, вставая из-за стола.

– А ты бы еще ел.

– Много довольны... не могу!

– Что ты, Кирюша, поделываешь? – обратилась к нему Анна Герасимовна.

Кирюша глупо улыбнулся.

– Ничего!

– Я тебе говорила – женись.

– Жениться... по нынешним временам...

– Ну, торговлю бы открыл...

– Торговать тоже... по нынешним временам...

– Куда ж теперь пойдешь?

– Туда...

– Куда?

– К тетеньке Василисе на Зацепу спать пойду.

– Ты у ней живешь-то?

– Нет.

– А где же?

– В монастыре...

– Что ж ты, душу свою соблуди хочешь? – вмешался хозяин.

– Звоню. Колокол у нас большой, край только у него треснул... Шелапутиху хоронили, он и треснул...

– Как же, братец ты мой, – продолжал хозяин, – купеческий ты племянник, на линии, можно сказать, почетного гражданина, а каким пустым делом занимаешься, не купеческим...

Кирюша, уныло повесив голову, обтер рукавом скатившуюся слезу.

– Тетенька Василиса из дому выгнала... Ступай, говорит, вон!.. Холодно было... Всю ночь ходил по Яузе... Из Андроньева монахи взяли... «Звони», – говорят... Сапоги дали. Теперь в теплом соборе служат, а холодный который – заперт... Вчера отец казначей на Солянку за рыбой ездил...

– Стало быть, вы там хорошо едите?

– Монахи едят, – поспешно подхватил Кирюша, – мы звоним. Сегодня раннюю звонил...

– Ну, ступай с богом! Не ближний тебе путь на Зацепу-то, – сказала хозяйка.

Кирюша, положивши в рот указательный палец, робко обвел всех глазами и, тихо пробираясь по стенке, вышел из комнаты. Кухарка дала ему на дорогу пару лещей.

- Прими Христа ради, – сказала она.
- Кирюша поклонился ей в ноги, промолвив:
- Благодарим за неоставление.

Первый блин, как говорится, комом. Целый день ходили все вялые. Коты не сходили с хозяйской постели. Ночь проведена беспокойно: хозяйка во сне вздрагивала, хозяин метался всю ночь, Семушка бился головой об стену и неистово кричал; Шарик, к величайшему огорчению дворника, всю ночь не лаял.

«Но уж только с завтрашнего числа я тебя лаять заставлю! Ты у меня на разные голоса лаять будешь, – думал дворник, перевертываясь с боку на бок, – теперь дело масленичное, двор у нас большой, улица глухая... Уж сам я за тебя лаять не буду».

В следующие затем дни желудки попривыкли и стали ладить.

С пирогами, с оладьями,
С блинами, с орехами.

Дворника все беспокоили лещи, которых куплено было очень много.

– Как возможно такую силу лещей съесть, – говорил он кухарке, – никто не одолеет.

Порешили, что, должно быть, в прощенный день² раздадут нищим.

– А вот у Гужонкина мастер агличанин, – замечал дворник, – весь пост будет скоромное есть. «По нашей, говорит, вере все возможно». Намедни ребята его спрашивают: «Ужли, говорят, Личада Фомич, и на страшной у вас говядину едят?» – «С великим, говорит, удовольствием». Ведь они в петуха веруют.

– В петуха?! – с удивлением воскликнула кухарка.

– В петуха, верно тебе говорю, – окончил дворник.

В чистый понедельник жирный блинный запах сменился чем-то кисло-удушливым, отвратительно действующим на обоняние. Резкий переход к постной пище сильно подействовал на бабушку. Она захворала. Прибегли к домашним средствам – не подействовало. Послали за Ефимом Филипповым, тот сразу чикнул старуху заграничным инструментом и выпустил ей фунт крови. Болезнь обострилась. Решили пригласить доктора.

И вот вечером к воротам дома подъехала в парных санях необыкновенно толстая фигура, в медвежьей шубе, в четырехугольном картузе уланского покроя, с кисточкой. Это был штаб-лекарь Иван Алексеевич Воскресенский. Вера в него в захолустье была необычайная по двум причинам: во-первых, он имел право носить шпагу, а во-вторых, он одному умершему купцу всыпал в рот порошок, тот встал, подписал духовную и опять умер.

– Ну, что тут у вас делается? – начал он, входя в переднюю.

Хозяин бросился помогать ему снимать шубу.

– Ни, ни, ни, – остановил его доктор, – всегда сам – и надеваю, и снимаю всегда сам. Сам себе хозяин, сам себе и слуга. Старушка у вас захворала. Вылечим. Телесного вы врача пригласили – значит, за душевным посылать еще рано. Посмотрим, – окончил он, вынимая из уха вату.

– Кровь мы ей отворили, чтобы дрянь-то очистить, – робко сказал хозяин.

– Хорошо. Крови жалеть не надо, материал недорогой. Максим Мудров говорит – крови не жалеет.

Доктора ввели в комнату, где лежала бабушка.

– Вот она где, божья-то старушка, – начал он ласково.

– Кровь, батюшка, отворяли, – едва внятным голосом произнесла старушка.

– Что ж, тебе, матушка, жалко ее, что ли...

---

² Прощенный день – прощенное воскресенье, последнее перед великим постом.

– Да вот пособороваться хочу.

– Рано. Я скажу, когда нужно. Вот мы узнаем, в чем дело, и выпишем из латинской кухни порошков целительных.

Узнавши, в чем дело, доктор вышел из комнаты. В зале его ожидала толпа пациентов. Благо приехал, за одно уж всех лечить-то. Первой подошла Дарья Гавриловна.

– У меня, – начала она, – господин доктор, по ночам под сердце подкатывает. Словно бы этакое забвение чувств и вдруг этак... даже сама не понимаю... Вдруг этак, знаете... даже удивительно! И так, знаете, вздрогнешь...

Доктор, многодумно и терпеливо выслушав, назначил лавровишневые капли.

Подвели дедушку. Он потрепал доктора по плечу левой рукой и промышал что-то непонятное.

– Как тебя, Савелий Захарыч, ярманки-то уходили, – отнесся к нему ласково доктор.

Дедушка хотел улыбнуться, но не вышло.

– Он. батюшка, Иван Алексеевич, все слышит, все понимает, только господь у него слова все отнял, – вмешалась хозяйка, – и отчего это с ним?

– Пил, матушка, много... ну, да и...

– Насчет нашей сестры большой был проказник, – ввернула Анна Герасимовна.

– Бывало, говорит мне: «Ежели, Антоша, разлить теперь по бутылкам все, что я на своем веку выпил, – погребок открыть можно и торговать три года».

Дедушка покачал головой в знак согласия.

Приказано в еде не отказывать.

– Самому здоровенному плотнику не съесть столько, сколько наш дедушка обработает, – отозвалась кухарка, предъявляя обрезанный до кости палец.

Прописана примочка.

Силой притащили Семушку, у которого голова была развита непропорционально туловищу. Доктор побарабанил по ней пальцами, оттуда раздались звуки, как из спелого арбуза. Семушка заплакал.

Лечения никакого не назначено.

Хозяин спросил, на чем полезнее водку настаивать: на цап-цапарели или на милифоли?

И то и другое одобрено.

Прописавши рецепты и давши просто советы, доктор вышел и сел в сани. В воротах остановил его дворник: у него чесалось сердце и на левом плече вскочил веред. Приказано выпариться в бане, а на веред положить сапожного вару.

Через неделю весь дом был здоров.

Ни внутренней, ни внешней политикой захолустье не занималось и под словом «политика» разумело учтивое обращение. «Политичный человек», «политикан», «сейчас видно, что политик». Жили все изо дня в день, день да ночь – сутки прочь, и не чаяли, что на Москву беда идет.

Дни после сильных дождей стояли жаркие. Из Яузы, Самотеки и других московских источников смердело. По переулкам захолустья ходить было невозможно – грязь невылазная.

Душно.

Воскресный день. Еще до благовеста церковного на Серединке, у трактира «Северный океан», стояли лоскутниковские певчие – сборная братия. Один бас безграмотный ходит с хором для октавы. Тенора одеты франтами, альты и дисканты гладко выстрижены. Басы *поправлялись* в трактире.

– Без подготовки не выдержишь, – говорит один бас, закусывая мятным пряником.

– Поворкуем, ничего, – ободрял его другой. – Я вчера у Спаса в Наливках апостол читал за ранней да вечером на свадьбе, а ничего.

Ударили в колокол. Улица начинает оживляться. Разряженные обыватели идут к обедне.

Вот богатейший купец Рожнов идет с своей семьей: три дочери и два сына. От дочерей пахнет гвоздичной помадой. Сыновья глупые, белокурые. Пробовали их отдавать «в ученье», но оказалось невозможным. Старший стал пугать мать членовредительством, а у младшего оказались припадки родимчика. По объяснение бабушки, это произошло оттого, что его в младенчестве опоили маком.

Плетется весьма почтенный, с добрыми черными глазами, одетый в рубище, проторговавшийся купец Дягилев, несколько лет томившийся в «яме». Он почтительно поклонился купцу Рожнову, тот отвернулся от его поклона: «за низкость себе поставил кланяться горькому человеку, внимания нестоющему».

Старик проводил его своими добрыми глазами и с горькой улыбкой, покачав головой, промолвил:

– Не воздымайся! Сам, может, хуже будешь.

Озорник фабричный, в новом картузе, поддакнул своему хозяину: проходя мимо бедного человека, он отвесил ему низкий поклон, промолвил:

– Миллионщику!

– Ах ты, пустой человек! Таких, как ты-то, я, может, три тысячи кормил.

– Первостатейному! – окончил фабричный, завернув за угол.

Распахнулись ворота; жирный жеребец вывез жирную купчиху Романиху. Первый человек она в захолустье по капиталу и по общественному положению – кума частного пристава.

Из цирюльни Ефима Филиппова несет паленым: приказчики завиваются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.